

■ ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

О.Л. ЛЕЙБОВИЧ

«СОХРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНЕЙШЕЙ ЗАДАЧЕЙ ДЛЯ ОБЩЕСТВА...»

В своей книге «Страх в современном обществе: его негативные и позитивные последствия» (*Slapentokh V. Fear in contemporary society: Its negative and positive effects. New York – London: Palgrave Macmillan, 2006*) Владимир Шляпентох бросает вызов большому социологическому мейнстриму, или, если воспользоваться советским новоязом, — «генеральной линией» — с присущей ей левой либеральной ориентацией и невниманием к эмоциональным проявлениям в человеческой истории.

Генезис либеральной ориентации можно обнаружить в истории социологического знания. Для отцов-основателей социологии изучение общества было неразрывно связано с надеждой на социальную реформу в социалистическом и либеральном духе. Институционализации социологии как особой отрасли науки предшествовал официальный «развод» с психологией, память о котором и век спустя жива в сознании социологов, ревниво оберегающих границы своего предмета от проникновения чуждых ему тем и проблем.

И если в критике либеральных иллюзий у В. Шляпентоха и были предшественники (достаточно вспомнить гневные бутады Г. Шельски по поводу либерального языка современного ему западногерманского социального знания), то в социологическом изучении страха он является первопроходцем.

Интерес к исследованию роли страха в жизни современных обществ автор объясняет своими подростковыми и юношескими переживаниями: чувством страха перед советским государством и его

Лейбович Олег Леонидович — доктор исторических наук, профессор Пермского государственного института искусств и культуры. Адрес: 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18. Электронная почта: oleg.leibov@gmail.com.

«тайной полицией» — НКВД. Жизненный опыт человека, выросшего в годы террора, подсказал ему, что самой яркой характеристикой советского общества является страх (р. 1). С этого утверждения и начинается книга. В. Шляпентох поэтому не может согласиться с мнением «исторических ревизионистов», полностью игнорирующих роль страха в обществах советского типа или ограничивающих ее (Ш. Фитцпатрик) только воздействием на поведение людей, принадлежащих к семьям «с дурным социальным происхождением» (р. 138).

Но книга о страхе не посвящена советскому прошлому. Автора интересует место страха в современных обществах. Он даже признает, что его «советский опыт... первоначально был препятствием для понимания роли страха в демократических обществах и даже в постсоветской России»: «Убеждение, что американцы не страдают от страха, было воспитано у меня и моих друзей в Советском Союзе. И потребовалось время, чтобы преодолеть это ложное восприятие Соединенных Штатов и понять значение страха в этом обществе. Не менее важной была моя почти слепая вера в мейнстрим американской социологии как в абсолютно адекватное отражение американского общества. Как и почти все мои советские коллеги, я находился под сильным влиянием Талкотта Парсонса и верил, что порядок в американском обществе опирается на усвоенные (интернализированные) ценности и что Гоббс не имеет ничего общего с жизнью в Америке» (р. 5).

Вот с этими своими заблуждениями автор сводит счеты в книге о страхе. Он исходит из того, что «мейнстрим в социальных знаниях со второй половины XX века недооценивает роль страха в поддержании социального порядка и формировании качества жизни» (р. 7).

Далее В. Шляпентох перечисляет «грехи» и «слабости» современного социологического мейнстрима. Тот игнорирует решающую роль социального порядка и опасности преступности и коррупции в обществе; переоценивает роль усвоенных (интернализированных) ценностей в сохранении порядка, смешивает ценности с нормами; переоценивает роль всеобщих ценностей, игнорирует деструктивный характер некоторых ценностей; фокусирует внимание исключительно на спонтанном происхождении ценностей и норм «снизу», недооценивает происхождение некоторых из них в результате деятельности элит; переоценивает роль неформального контроля и недооценивает формальный контроль, особенно позитивную роль государства в поддержании порядка (р. 7). В этом перечислении можно легко обнаружить руководящую мысль автора, идеологию книги и даже ее структуру. Свое кредо Шляпентох формулирует ясно и определенно: «Моральные угрызания совести не достаточно сильны, чтобы сохранить порядок в обществе» (р. 175).

По содержанию монографическое исследование В. Шляпентоха представляет собой последовательное, детальное, основанное на анализе тщательно отобранных социологических трудов опровержение современной «генеральной линии» американской, а с нею и всей западной социологии от Парсонса до Фуко. По жанру это социологический памфлет, блестяще написанный, пристрастный, убедительный и злой. Главной мишенью автора является культурологическая интерпретация общества. В XVIII веке эту книгу назвали бы «Анти-Парсонс».

Тема исследования, вынесенная на обложку книги, — страх. Можно было ожидать, что В. Шляпентох сделает это понятие центральной социологической категорией. Но этого не происходит. Автор дает страху на первой странице самое общее определение далеко не в социологических терминах: «Под страхом я понимаю чувство тревоги, вызванное присутствием реальной или воображаемой опасности» (р. 1). Впоследствии он возвращается к дефиниции страха, извлеченной из текстов американских психологов, как «базовой, негативной эмоциональной реакции на опасность — мнимую или реальную — и ожиданию боли». Он обращает внимание на связь страха с неопределенностью и ожиданием будущего (р. 124).

На социальном уровне «страхи отражают в большей или меньшей степени объективные опасности в обществе (“жесткая реальность”»». Автор также признает, что «страхи являются ментальной конструкцией, которая может быть вызвана как “мягкой реальностью” (идеологией, исторической памятью и разнообразными индивидуальными психологическими характеристиками), так и эмоциями, такими, как любовь, зависть или даже физическая боль. Воображаемые страхи, которые не имеют объективной основы (страх перед несуществующим внешним врагом, например), являются “объективными”, как “реальные” страхи. Генрих Гейне писал, что “воображаемая боль — это тоже боль”» (р. 126).

Страх описывается на языке психологии. В социологическом контексте он представлен как важнейший инструмент для поддержания социального порядка, используемый государством. Социологи, игнорирующие роль страха в обществе, одновременно недооценивают наследие Гоббса, чей «трезвый анализ власти и государства обладает объяснительной силой», поскольку, во-первых, разоблачает иллюзии относительно способности людей без принуждения соблюдать социальные нормы, а во-вторых, подчеркивает первостепенную роль порядка в жизни общества (р. 130).

Социальный порядок и есть главная категория исследования. Для автора он является «трансцендентной, универсальной ценностью, которой подчиняется функционирование всех обществ в мире» (р. 9).

Порядок поддерживается государством. Социальному порядку противостоят анархия, хаос, преступность. По мнению В. Шляпентоха, на языке социологии нельзя описать социальный порядок, не учитывая эти противоположные ему социальные явления. Те социальные и политические исследователи, которые проходят мимо этого фундаментального основания общественной жизни, не в состоянии представить ее объективную картину (р. 11).

Американские социологи, в большинстве своем, не только недооценивают роль социального порядка в общественной жизни, но и критикуют его с левых и прогрессистских позиций. В последней трети XX века в американской социологии принято «...рассматривать порядок как препятствие для прогресса, идентифицировать (не без оснований) его сторонников с консерватизмом» (р. 12).

Автор же, напротив, солидарен с социологами консервативных убеждений, уделившими «...большое внимание социальному порядку как предпосылке прогресса» (р. 12).

Ответственность за малый интерес к проблемам социального порядка в американской социологии Шляпентох возлагает на господство культурологической школы. Эта школа приписывает решающую роль в поддержании социального порядка культуре с ее системой ценностей, которая воспринимается гражданами в процессе социализации и передается по наследству. «Парсонсовская концепция с некоторыми модификациями используется как основа для изучения социального порядка студентами и в высшей школе, и в колледжах» (р. 37).

Далее на полутора сотнях страниц В. Шляпентох подвергает критике и эту концепцию, и другие современные социологические интерпретации социального порядка — его основ, содержания и функций. Технически это выглядит следующим образом: автор предъявляет читателю одну за другой объяснительные концепции социального порядка и проверяет их на достоверность, прибегая к результатам конкретных социологических исследований или даже личным наблюдениям. Предлагая читателю концепцию формирования норм снизу, Шляпентох замечает, что ее сторонники, во-первых, не дают ни одного примера, как эти нормы возникают, а во-вторых, не замечают того, что даже «транспортное сообщение в городах, относительно простая социальная проблема, не может быть отрегулировано соглашениями между водителями» (р. 36).

Апелляция к здравому смыслу, изъятая из социологических текстов последних десятилетий, здесь снова вступает в свои права.

Чаще всего, конечно, автор оперирует социологическими данными, заимствованными из авторитетных источников. Так, настаивая на том, что нельзя объяснить социальный порядок исключительно освоенными обществом ценностями, он ссылается на неоднозначное отношение к ценности труда у американских рабочих в 1980-е годы,

«когда трудовая этика была выше, чем сегодня». По данным Г. Ганса, «трудящиеся оценивали свою работу как тяжелое бремя» (р. 43).

Более того, «усвоенные ценности, возможно, играли скромную роль и в поведении американских солдат во время войны. В знаменитом труде *Американский солдат*¹... показывается, что только малая часть американских военных была мотивирована американской системой ценностей и обладала строгой идеологической мотивацией для войны» (р. 45).

В. Шляпентох настаивает на том, что социологи, принадлежащие к парсонсовской школе, часто смешивают усвоенные ценности с нормами, которые люди соблюдают из страха перед наказанием за их нарушение. «В процессе социализации люди обучаются формальным правилам, а не ценностям, имеющим моральное измерение», тем более что и корреляция между ценностями и поведением является слабой, в том числе и из-за конфликта между ценностями. «Некоторые ценности рассматриваются людьми как ценности для других, а не для себя» (р. 62).

В. Шляпентох активно использует термин «негативные ценности», ссылаясь при этом на труды Коллингвуда и Фрейда. Это те поведенческие стандарты, которые разрушают общественный порядок: «оправдывают и поощряют пьянство, употребление наркотиков, насилие, промискуитет, грубость, антиинтеллектуализм» (р. 66). На основе этих ценностей происходит негативная социализация (р. 77–79).

Снова и снова В. Шляпентох повторяет свой основной тезис: культурные ценности не могут интегрировать общество, они не в состоянии поддерживать социальный порядок, кроме того, позитивные ценности не формируются спонтанно в социальных низах. Те, кто считает иначе, заблуждаются, поскольку смотрят на общество через призму ложных в своей основе теорий, не замечая очевидностей: множество людей нарушают общественный порядок, еще больше людей склонны к подобного рода поступкам, их останавливает только страх перед наказанием — не со стороны общественного мнения, но со стороны государственной власти.

По мнению автора, решающая роль в сохранении общественного порядка принадлежит государству, которое продуцирует страх перед санкциями за его нарушение (р. 153). Шляпентох полемизирует с гуманитариями радикально левой ориентации, прежде всего с М. Фуко. Последний, по мнению автора, «...описывал постепенную, с эпохи феодализма, экспансию государственной власти как инициированную едва ли не исключительно садистским желанием государственной

¹ Имеется в виду книга: *Stouffer S.A., et al. Studies in social psychology in World War II: The American soldier. Vol. 1-4. Princeton: Princeton University Press, 1949. — Прим. ред.*

машины увеличить свой контроль над человеческими существами... всеми доступными средствами, включая знание» (р. 158). Сходной позиции придерживаются и другие левые, и либералы, привыкшие рассматривать государство как источник зла. Под влиянием все того же Парсонса, продолжает автор, в последние два десятилетия в социологической литературе утвердилось мода «...преуменьшать роль государства как слабого института или просто игнорировать его» (р. 161).

Шляпентох считает иначе: «Я верю, что без государства и его правовой системы порядок не может быть сохранен» (р. 174).

Государственное законодательство играет решающую роль и в установлении порядка в обществе. Более того, служит источником для формирования культуры общества. Ценности элиты находят свое выражение в правовых актах, посредством которых транслируются в общественные низы. «Фактически все нынешние ценности, жизненно важные для общества, утверждены законами и страхом перед санкциями» (р. 165).

В заключении автор вновь возвращается к замыслу книги — показать, что «сохранение социального порядка является важнейшей задачей общества» (р. 175). Порядок невозможен без социального контроля со стороны государства, способного применить силу и вызвать страх у граждан, желающих нарушить этот порядок из эгоистических соображений. Социологи, недооценивающие роль государства и преувеличивающие роль культуры, оказывают обществу медвежью услугу.

Теоретическая модель социального порядка, представленная в книге В. Шляпентоха, на самом деле, радикально расходится с «генеральной линией» западной социологии. Согласно этой линии, исключительное значение придается социальным регуляторам общественной жизни — регуляторам, основанным на частных конвенциях, усвоенных ценностях, принятых групповых нормах, взаимном доверии, возникающем в социальных сетях. Автор — этатист старой формации, ведущий свою интеллектуальную родословную от Гоббса, а вовсе не от Дюркгейма или Парсонса. Угол зрения, выбранный В. Шляпентохом, позволяет увидеть в социальной жизни современного общества то, что обычно ускользает от внимания его оппонентов, — влияние страха на поведение людей. Страх, вызываемого самыми различными источниками: от государственных учреждений до социальных ситуаций и неконтролируемых общественных процессов.

Памфлетный жанр книги определяет ее достоинства. В ней не следует искать взвешенных суждений о развитии американской социологической мысли. Задача автора другая — предьявить историю заблуждений западных социальных мыслителей, противопоставив им иную, нелиберальную традицию в изучении и понимании общества.

Для отечественных социологов особенно интересны нетривиальные размышления автора над некоторыми проблемами нашего социального прошлого и настоящего. Они парадоксальны, глубоки, оригинальны и, естественно, вызывают к дискуссии.

Нельзя не отдать должное литературной форме, в которой выполнено исследование: ясность изложения, точность формулировок, последовательность мысли, превосходный, совсем не «птичий» язык, сдержанный сарказм, яркие иллюстрации и полемический стиль, отточенный в дискуссиях поздней советской эпохи.

Такие книги очень нужны, поскольку заставляют читателей заново обратиться к основополагающим концептам и гипотезам, взвесить аргументы «за» и «против», включиться в полемику по ключевым проблемам современного социологического знания.

Тема страха, брошенная В. Шляпентохом в социологический нарратив, продуктивна также тем, что она позволяет завязать дискуссию о границах социологического знания, вернее, об их условности. Имеет ли право социолог, исследующий жизненный мир определенной общественной группы, отворачиваться от его эмоциональной компоненты — не только страха, естественно, но и восторгов, общих переживаний, вообще способов эмоционального реагирования на те или иные события и вещи? Является ли безусловным запрет на изучение социологическими методами социальных аффектов, не следует ли проделать проходы в стене, отделившей социальную психологию от социологии? Настолько ли убог здравый смысл, как полагали отцы-основатели европейской, да и отечественной социологии? Вопросов много. Ответы найти можно в том исследовательском поле, которое открывает своими работами Владимир Шляпентох. В любом случае, критика доминирующей научной парадигмы является необходимым, хотя и недостаточным условием для научной революции в социологии — революции, запоздавшей на целое поколение.

Было бы полезным, если бы отечественные социологи смогли прочитать книгу В. Шляпентоха на русском языке.